

ДРЕВО ЖИЗНИ И ДРЕВО ПОЗНАНІЯ

(Л. Шестовъ. «На вѣсахъ Іова. Странствованіе по душамъ».
Из-во «Современныя Записки». Парижъ, 1929)

«И сказалъ Господь Богъ: готъ, Адамъ сталъ какъ одинъ изъ Насъ, зная добро и зло, и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ также отъ дерева жизнь, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно». (*Бытіе*, гл. 3, 22).

Блестящая книга Л. Шестова имѣетъ невѣрный подзаголовокъ «Странствованіе по душамъ». Л. Шестовъ не психологъ и мало интересуется многообразіемъ индивидуальныхъ душъ. Онъ — моноидеистъ, однодумъ и потому склоненъ къ двучленному дѣленію міра на собственный и чуждый міръ, въ которомъ всѣ смѣшиваются во едино. Для него и близкіе ему, излюбленные имъ Ницше, Достоевскій, Лютеръ, Паскаль, Плотинъ совершенно походятъ другъ на друга и переживаютъ одну и ту же трагедію. Л. Шестовъ воюетъ противъ «общаго», «единаго», но самъ какъ разъ всюду видитъ «общее», «единое», не индивидуализируетъ, не замѣчаетъ многообразія. Онъ интересуется лишь одной своей темой, его нельзя даже заставить обратить вниманія на другія темы, на чуждыя ему точки зрѣнія. Съ этимъ связана трудность философскаго діалога съ Л. Шестовымъ, но съ этимъ же связано и самое большее его качество. Л. Шестовъ имѣетъ свою собственную тему, которой онъ остается вѣренъ всю жизнь. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ направленій и теченій, онъ совершенно внѣсоціаленъ и даже антисоціаленъ по своему мышленію. Во всемъ, что пишетъ Л. Шестовъ, есть большая напряженность и острота, радикализмъ мысли, серіозность и мучительность исканія. Къ немъ чувствуется религіозная натура. Но мышленіе его узко и однообразно. Онъ пишетъ прекрасно по формѣ, обладаетъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Но литературный даръ Л. Шестова мно-

гое скрываетъ и маскируетъ, мѣшаетъ ему выразить всѣ противорѣчія и трудности его мысли, сглаживаетъ и слишкомъ внѣдряетъ его въ «литературу.» Можетъ быть лучше было бы писать ему шереховато и трудно. Л. Шестовъ не нашелъ адекватной формы для выраженія своей мысли, для передачи намъ своей темы. Да и нелегко найти. Его очень трудно понять, несмотря на ясный языкъ, и легко истолковать въ противоположномъ смыслѣ. Мысль его понятна лишь съ отрицательной своей стороны, легко формулировать противъ чего онъ борется. Но со стороны положительной онъ не хочетъ и не можетъ ясно себя выразить. Манера письма его условно-романтическая. Онъ злоупотребляетъ романтической ироніей, которая иногда очень утомляетъ и мѣшаетъ. Онъ постоянно прибѣгаетъ къ романтическому преувеличенію, любитъ взвинчивать душевныя переживанія. Вырванная изъ контекста фраза какого-нибудь философа присобрѣтаетъ иногда непомѣрное, міровое значеніе, равно какъ и отдѣльное переживаніе какого-нибудь писателя. Въ манерѣ письма Л. Шестова страннымъ образомъ соединяется вліяніе Ницше и Л. Толстого. Но афоризмъ, къ которому онъ стремится, не является органически присущей ему формой. Иногда раздражаетъ, что онъ какъ будто бы дорожить тѣмъ, чтобы говорить наоборотъ, обратное тому, что установлено въ традиціонной философской терминологіи. Шестовская интерпретація интересующихъ его мыслителей иногда производитъ впечатлѣніе произвольнаго каприза. Методъ его имѣетъ аналогію съ фрейдовскимъ методомъ отысканія въ подсознательномъ иного, чѣмъ утверждается въ сознаніи. Л. Шестовъ вышелъ изъ Ницше и это наложило на его мышленіе неизгладимую печать. Но идетъ онъ къ Библии, и послѣдняя книга его наполнена библейскими мотивами. Совмѣщеніе ницшеанскихъ и библейскихъ мотивовъ и затрудняетъ его пониманіе. Слѣдуетъ отмѣтить, что, говоря о Библии, Л. Шестовъ всегда имѣетъ въ виду Ветхій Завѣтъ и не говоритъ объ Евангеліи. Новозавѣтныхъ, евангельскихъ мотивовъ у него нѣтъ. Онъ готовъ признать Библию откровеніемъ, но христіанство для него не откровеніе. Онъ почти игнорируетъ существованіе вѣрующаго христіанскаго міра. Онъ знаетъ только католическую и протестантскую теологію. Но онъ совсѣмъ какъ будто бы не знаетъ православія, его своеобразія, его отличія отъ западнаго христіанства. А вѣдь на почвѣ православія вопросъ объ отношеніи разума и знанія къ откровенію и вѣрѣ ставился всегда совсѣмъ иначе, чѣмъ на почвѣ католичества и протестантизма. Католическіе теологи нерѣдко обвиняютъ православныхъ въ совершенномъ алогизмѣ. Впечатлѣнія Л. Шестова отъ христіанства настолько западныя, что онъ даже Библию цитируетъ по латински, что совершенно недопустимо въ русской книгѣ. Отношеніе

Л. Шестова къ христiанству сложилось подъ влiяніемъ Лютера, котораго онъ любитъ и своеобразно интерпретируетъ, и вообще протестантскихъ мотивовъ. Онъ до сихъ поръ совсѣмъ по лютеровски борется противъ «добрыхъ дѣлъ.» Но тему свою о разумѣ и вѣрѣ, объ общеобязательныхъ, самоочевидныхъ истинахъ и откровеніи онъ ставитъ такъ, какъ будто бы была только Библия и греческая философія, юдаизмъ и эллинизмъ, но не было христiанскаго откровенія, именно *откровенія*, а не эмпирическаго факта христiансва въ исторіи и не теологическихъ ученій. Шестовская тема и шестовскія исканія — религіозныя, но онъ остается на этомъ берегу, на берегу философіи и не переходитъ на другой берегъ, берегъ религіозной вѣры. Постоянныя цитаты изъ философовъ утомляютъ и мѣшаютъ видѣть самого Шестова. Л. Шестовъ поставилъ себѣ неразрѣшимую задачу: онъ требуетъ разрѣшенія религіозной темы на территоріи философской мысли, онъ предъявляетъ философамъ претензію, съ которой къ нимъ нельзя обращаться. Съ этимъ нужно обращаться къ пророкамъ, къ апостоламъ, къ святымъ, къ мистикамъ, къ религіозной жизни человѣчества, а никакъ не къ Аристотелю, Спинозѣ, Гегелю. Отсюда происходитъ рядъ недоразумѣній. Плотинъ переходитъ изъ плана философіи въ планъ мистики. Въ планѣ мистики разумъ уже не имѣетъ той силы и власти, которая онъ имѣетъ въ философіи, это планъ сверхразумный. Человѣкъ, поднявшійся до мистическаго плана, до мистическаго созерцанія «теряетъ довѣріе къ разуму», преодолеваетъ разумъ. Но это довѣріе къ разуму возвращается, когда человѣкъ опускается въ планъ нашего природнаго міра. Шестовъ же склоненъ истолковывать это всеобщее въ христiанской мистикѣ явленіе, какъ катастрофу на территоріи философіи, потому что онъ преувеличиваетъ значеніе и возможности философіи. Плотинъ, какъ и всѣ мистики, отказывается отъ разума въ мистикѣ, а не въ философіи. И вопросъ лишь въ томъ, измѣняется ли и просвѣтляется ли разумъ отъ откровеній, полученныхъ въ планѣ мистическомъ. Св. Тома Аквинатъ думаетъ, что нѣтъ, что планы эти являются раздѣльными ступенями. Я думаю, что да, что возможна религіозная философія. Л. Шестовъ разомъ и страшно преувеличиваетъ значеніе и возможности философіи и страшно враждуетъ противъ философіи за то, что она не говоритъ языкомъ пророковъ и апостоловъ, святыхъ и мистиковъ. Л. Шестовъ хочетъ остаться свободнымъ отъ вѣроисповѣданій философомъ и не находитъ способовъ выразить то, что получено не изъ философскаго источника. Онъ принужденъ прибѣгать къ категоріямъ мышленія, которыя онъ отрицаетъ.

Смертельныя враги Л. Шестова — «единое», «общее», общность, самый фактъ существованія общаго для всѣхъ міра.

Общаго міра нѣтъ, у каждаго свой собственный міръ. Общій міръ у Л. Шестова напоминаетъ *das Man* Гейдеггера. Но философствованіе и писательство предполагаетъ общность, общеніе. Уже самое слово, безъ котораго невозможно передать другимъ своей мысли и во всякомъ случаѣ невозможно писать, предполагаетъ общность, общеніе. Слово имѣетъ социально-онтологическую природу. Когда Л. Шестовъ предлагаетъ мнѣ прочесть свою книгу, онъ перебрасываетъ мостъ между своимъ міромъ и моимъ міромъ, устанавливаетъ общеніе между нами. Но общеніе невозможно, если нѣтъ никакой общности, если нѣтъ общаго языка. Въ этомъ величайшая трудность его задачи. Безспорно, у каждаго изъ насъ есть свой особый міръ, но каждый изъ этихъ міровъ входитъ въ единый общій міръ. Если же его нѣтъ, то послѣдовательно нужно умолкнуть, перестать себя выражать для другихъ. Отрицая разумъ, какъ анти-Бога, Л. Шестовъ постоянно прибѣгаетъ къ общему разуму и пользуется его категоріями. Въ немъ даже есть несомнѣнный элементъ рационализма. Но онъ упорно не хочетъ признать, что ирраціональнаго нѣтъ безъ разума. Разумъ обладаетъ способностью къ самопреодоленію,—въ этомъ смыслѣ *docta ignorantia* Николая Кузанскаго. Л. Шестовъ самъ создаетъ «общій міръ» своихъ любимыхъ героевъ Ницше, Достоевскаго, Толстого, Паскаля, Лютера, Плотина и др., которымъ противопоставляетъ остальной міръ, тоже «общій» міръ. Если же нѣтъ «общаго» міра, то непонятно, почему онъ находитъ такъ много «общаго» у самыхъ противоположныхъ мыслителей и писателей, почему съ Шеллингомъ случилось тоже самое, что съ Ницше, съ Ницше то же самое, что съ Лютеромъ и т. д. Л. Шестовъ хочетъ ввести насъ въ міръ своихъ любимыхъ героевъ, навязать намъ его, навязать намъ «свою» истину и убѣдить насъ въ этой истинѣ. Совершенно ошибочно думать, что общее, общность устанавливается лишь черезъ понятія разума. Есть другіе пути установленія общности. Понятія же часто раздѣляютъ. Богопознаніе невозможно черезъ понятіе, оно возможно лишь черезъ мѣры. Общій, единый міръ, существуетъ совсѣмъ не потому, что онъ подчиненъ вѣчному закону разума, надъ міромъ царящаго, что онъ устроенъ по «Аристотелю», а потому что онъ есть твореніе единаго Бога. Общность и единство всего міра существуетъ по Творцу, въ Богѣ. «Единое», котораго ищутъ мудрецы, и есть Богъ,—Творецъ и Промыслитель міра. Въ судьбахъ міра есть единство и общность въ многообразіи, потому что въ немъ дѣйствуетъ Промысль Божій. Это есть прежде всего библейское ученіе, а не ученіе греческихъ философовъ. Богъ Авраама, Исаака и Іакова, а не философовъ, есть единый Богъ и Промыслитель, держащій въ рукѣ свой міръ. Общность, единство міра и лежатъ въ рукѣ Божіей, а не въ отвлеченномъ

разумъ. И общность въ мірѣ есть прежде всего общность въ любви, а не въ понятіи, общность въ Богѣ, а не въ разумѣ. Такъ учитъ откровеніе. Л. Шестовъ борется еще противъ суда и сужденія. Судъ, оцѣнка порождены грѣхопадениемъ. Но самъ онъ принужденъ судить. Онъ все время судитъ, судитъ разумъ, добро. Онъ принужденъ считать себя правымъ и о правотѣ своей сообщаетъ намъ. И онъ противорѣчитъ себѣ тѣмъ, что утверждаетъ себя. Открывшуюся ему истину онъ принужденъ считать обязательной и для насъ истинно: ой. Онъ борется за эту истину, борется противъ грѣха, противъ зла, противъ сатаны. Все равно, что истина открылась ему «вдругъ», катастрофически, не черезъ разумъ,—истина все же открылась, эта открывшаяся истина все же для него истина абсолютная, вѣчная, единая, общая для всѣхъ, кто переживаетъ подобный же катастрофическій опытъ, кто открываетъ себя для нея. «Классическій» аргументъ противъ Л. Шестова не менѣе истинный отъ того, что онъ «классическій», ибо и «классическое» бываетъ истиннымъ.

Если выразить на традиціонномъ философскомъ языкѣ проблему, которая мучитъ Л. Шестова, то это есть прежде всего проблема объ универсалияхъ, о родѣ и индивидѣ, объ общемъ и частномъ, которая была поставлена греческой философией и стояла въ центрѣ философіи средневѣковой. Въ нѣмецкомъ идеализмѣ эта проблема такъ не ставилась, ибо она предполагаетъ объективный гносеологическій реализмъ, который съ Канта началъ разрушаться. Самъ Л. Шестовъ мыслитъ эту проблему въ категоріяхъ античной философіи и въ очень радикальной формѣ защищаетъ индивида и частное противъ рода и общаго, онъ близокъ къ номинализму Оккама. Конечно, Л. Шестовъ не согласится быть втиснутымъ въ какія-либо категоріи, онъ хочетъ быть внѣ ихъ. Но невольникъ мысли и слова — онъ, какъ и всѣ мы, подлежитъ этимъ категоріямъ. Какъ я уже говорилъ, на территоріи философскаго мышленія задача, поставленная Л. Шестовымъ, не разрѣшима. Только въ христіанскомъ откровеніи разрѣшается вопросъ о родовомъ, общемъ и индивидуальномъ, частномъ, объ единомъ и множественномъ и совсѣмъ иначе, чѣмъ въ философскомъ реализмѣ и номинализмѣ. Христіанское откровеніе раскрываетъ намъ жизнь, а не понятія, существа, а не идеи, и свѣтъ откровенія не можетъ быть излученъ ни въ философіи Платона или Аристотеля, ни въ философіи Томы Аквината или Ду съ Скота. Христосъ, въ которомъ совершилось единичное, единственное, однократное откровеніе, парадоксально и антиномично есть и родъ и индивидъ, и единое и множественное, ибо въ немъ весь родъ человѣческой, все множество человѣческихъ личностей. «Общаго», какъ оно утверждается въ спорѣ реалистовъ и номиналистовъ, не существуетъ, суще-

ствуешь, конечно, только индивидуальное, но индивидуальное разных ступеней и градацій. «Общее» есть логическая деформация и рационализация известной ступени в іерархіи индивидуальностей. Напр., космосъ, міръ совсѣмъ не есть общее, а есть индивидумъ, единичное существо, но иной ступени, чѣмъ индивидумъ человѣческой. Единое, индивидуальное существо, личность всегда есть творимая Богомъ Творцомъ идея, творимая черезъ творческое воображеніе Бога и черезъ Божью Премудрость. Л. Шестовъ врагъ идей, которыя онъ относитъ къ общему, родовому, но у него самого есть центральная идея, которую онъ надѣляется правомъ судить разумъ и добро, судить общеобязательныя истины. Онъ прежде всего не хочетъ, чтобы истина была общей и обязательной для всѣхъ. Онъ противъ того, что нужно всѣмъ, за ненужное и бесплодное. Главный врагъ его — «всѣмство.» «Всѣмство», то, что для «всѣхъ», общеобязательное, есть порожденіе грѣхопаденія, оно образовалось отъ того, что человѣкъ сорвалъ съ древа познанія добра и зла. Послѣ этого жизнь міра подчинилась «разуму» и «добру.» Тутъ Л. Шестовъ почувствовалъ что-то очень глубокое и вѣрное, прикасается къ источнику всѣхъ золъ и несчастій нашей жизни. Но онъ запуталъ проблему и затруднилъ пониманіе того, что онъ хочетъ сказать. Врагъ для Л. Шестова не чувственный, матеріальный міръ, а именно духовный, идейный міръ. При этомъ разсужденіе свое онъ ведетъ въ категоріяхъ античной, нехристіанской мысли. Христіанское мышленіе о мірѣ и человѣкѣ существенно персоналистично и всегда парадоксально съ точки зрѣнія греческой логики и всякой рациональной логики. Въ категоріяхъ греческой философіи совершенно невозможно мыслить личность. Личности въ смыслѣ христіанскаго откровенія не знаетъ ни Платонъ, ни Аристотель, ни Плотинъ. И греческая патристика испытала большое затрудненіе, когда вырабатывала ученіе объ Упостаси, объ *ουσια*, о взаимоотношеніяхъ между «природой» и «личностью.» Только христіанское откровеніе парадоксально для мысли сочетаетъ единое и множественное, допускаетъ совершенное соединеніе съ сохраненіемъ различенія, «нераздѣльное» остается «неслияннымъ.» Греческое мышленіе объ этомъ всегда было неадекватно христіанскому откровенію о личности. Рациональная философская мысль, не просвѣтленная откровеніемъ, всегда склоняется къ монизму или къ дуализму, для которыхъ въ соединеніи исчезаетъ различеніе, въ единомъ исчезаетъ множественное и обратно. И Л. Шестовъ остается во власти рациональнаго мышленія, унаслѣдованнаго отъ грековъ, когда онъ хочетъ быть исключительно философомъ единичнаго, индивидуальнаго, неповторимаго и видитъ истину лишь въ случайномъ, въ капризѣ, въ измѣнчивости. Этимъ онъ становится лишь на одинъ изъ поляр-

ныхъ полюсовъ, созданныхъ греческой рациональной мыслью. Онъ принужденъ даже защищать Протагора. Но парадоксія въ томъ и заключается, что единичное-индивидуальное въ томъ лишь случаѣ существуетъ и можетъ быть констатировано, если есть единое, универсальное (не точно «общее»). Единичный, неповторимый человѣческій ликъ существуетъ въ Христѣ, который самъ есть единичный, неповторимый ликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ весь человѣческій родъ. Различеніе, т. е. раздѣльное воспріятіе ликовъ возможно только на фонѣ единого, универсального, въ немъ и черезъ него. Лики можно увидеть лишь въ единомъ свѣтѣ. Ничего единичнаго, индивидуальнаго нельзя различить, если не соотносить его къ цѣлому, единому. Никакой множественности нѣтъ, если нѣтъ единого. Послѣдовательный и радикальный номинализмъ, къ которому склоняется Л. Шестовъ, не можетъ остановиться ни на чемъ индивидуальномъ, ни на какомъ индивидуумѣ, онъ долженъ идти безконечно въ глубь номиналистическаго дробленія и разложенія. Нѣтъ никакихъ основаній допустить существованіе Ницше, Паскаля, Достоевскаго, какъ реальныхъ цѣлостей. «Ницше», есть уже «общее». Какимъ образомъ Л. Шестовъ убѣдился въ существованіи «Ницше» и на какомъ основаніи можетъ говорить о такой общности? «Ницше» долженъ быть разорванъ на безконечно мелкіе частные миги, но и на каждомъ изъ нихъ нельзя остановиться. Номинализмъ всегда произвольно останавливается на нѣкоторой реальности, которую уже не хочетъ уступить. Л. Шестовъ думаетъ, что «Лютеръ» существуетъ и о немъ можно говорить, какъ о реальной цѣлости, а «протестантизмъ» не существуетъ, но «протестантизмъ» есть вѣдь тоже нѣкоторый историческій индивидуумъ, а съ другой стороны, «Лютеръ» есть цѣлость, которая съ номиналистической точки зрѣнія подлежитъ дробленію.

Л. Шестовъ враждуетъ противъ «единого.» И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ менѣе всего враждуетъ противъ Бога. Но вѣдь Богъ — «единое.» Богъ открываетъ себя, какъ единое, какъ единого Бога въ Библии, а не въ философіи. «Азь есмь Господь Богъ твой.» И универсальность и единство истины произошли отъ единобожія, а не отъ аристотелевской логики. Общеобязательность истины для всего міра и для всѣхъ людей есть отображеніе монотеизма, преодолѣвшаго національный партикуляризмъ и ставшаго универсальнымъ. Богъ всѣхъ народовъ, Богъ вселенной и есть источникъ всеобщей истины. И эта всеобщая истина менѣе всего отрицаетъ и уничтожаетъ личность, индивидуальное, она и есть истина о личности. Л. Шестовъ всегда за откровеніе противъ разума. Но откровеніе гораздо болѣе общеобязательно, чѣмъ истина разума. Истины разума относительны и провоз-

глашающіе ихъ бываютъ терпимыми. Истина же откровенія абсолютна и провозглашающіе ее исключительны. Никого не сжигали на кострахъ во имя разума и философіи, но во имя Истины откровенія, увы, часто сжигали на кострахъ. Спиноза, «убившій Бога» во имя разума и природы, никогда бы никого не сжегъ, но самъ онъ легко могъ быть сожженъ. Люди плохо поняли, что откровеніе обращено къ свободѣ и никого не насилуетъ. Можно даже сказать, что Л. Шестовъ долженъ былъ бы болѣе бороться противъ религіи, чѣмъ противъ философіи. Именно религія и есть «всѣмство», она социальна по своей природѣ (это вполне выяснено исторіей религій), она всенародна, обращена ко всему міру. Христосъ пришелъ для всѣхъ, для всего міра, Онъ Спаситель міра. Философія же всегда существовала для немногихъ, доступна лишь избраннымъ, она индивидуальна. Литургія, которая стоитъ въ центрѣ религіозной жизни народовъ, и есть общее дѣло. Религія всегда учитъ общенію человѣка съ Богомъ, человѣка съ ближнимъ, всегда организуетъ общую жизнь людей. Церковь есть общеніе, общество, въ известномъ смыслѣ «всѣмство.» Вся сакраментальная сторона религіи, которая мало интересуется Л. Шестова, имѣетъ социальную природу, есть общее дѣленіе въ строго установленномъ ритмѣ. Противъ этого можно возставать, но самага факта отрицать нельзя. Лишь пророческая сторона религіи связа съ одинокими личностями, возставшими противъ религіознаго коллектива. Но и пророкъ социаленъ. Пророкъ — одинокъ, находится въ разрывѣ съ религіознымъ коллективомъ, побивается камнями, и социаленъ, обращенъ къ судьбѣ народа, къ свершенію исторіи. Таковы были ветхозавѣтные пророки, они были одиноки и социальны. Социальность, общность въ глубинномъ, метафизическомъ смыслѣ есть дѣло любви. Единая истина, единый свѣтъ открывается въ общеніи любви, а не въ логикѣ. Логика приводит къ самымъ разнообразнымъ истинамъ, что мы и видимъ въ столкновеніи философскихъ системъ, противорѣчащихъ другъ другу. Для Л. Шестова религіозная жизнь, религіозное откровеніе есть лишь «потрясеніе», катастрофическое, мгновенное, озаоряющее переживаніе отдѣльныхъ всегда замѣчательныхъ, — гениальныхъ людей — Исаи, Ап. Павла, Паскаля, Лютера, Достоевскаго, Ницше. Жизнь народовъ оказывается изъятой изъ откровенія и обреченной «Аристотелю.»

Л. Шестовъ давно уже установилъ, какъ основное для себя, противоположеніе трагедіи и обыденности. Онъ все время пишетъ философію трагедіи, ищетъ людей, потрясенныхъ трагическимъ. Къ философіи трагедіи онъ относитъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые пережили потрясеніе, особаго рода трагическій опытъ, послѣ котораго твердая почва ушла изъ

подъ ногъ, и они усумнились въ общеобязательныхъ истинахъ, въ разумъ и добръ. Люди же обыденности чувствуютъ твердую почву подъ ногами и неизмѣнно вѣрятъ въ общеобязательную истину, въ разумъ и добро. Форма романтической ироніи, принятая Л. Шестовымъ, мѣшаетъ ему просто и прямо рассказать о тѣхъ потрясеніяхъ, которыя испытали люди трагедіи. Но мы можемъ все-таки сказать, въ чемъ это потрясеніе заключается. Это — страхъ и близость смерти, тяжелая болѣзнь, несчастная любовь, раны, нанесенныя человѣческому самолюбію, *ressentiment*, безсиліе самыхъ возвышенныхъ идей утѣшить человѣка въ мукахъ и страданіяхъ жизни и т. п. Мнѣ думается, что Л. Шестовъ неправъ въ своемъ основномъ противоположеніи трагедіи и обыденности. Трагедія — «обыденна», повседневно, простонародна. Трагедія ежедневно подстерегаетъ и поражаетъ жизнь консьержки дома Л. Шестова не менѣе, чѣмъ жизнь Ницше, Лютера, Паскаля, хотя она и не имѣетъ геніальнаго дара, чтобы рассказать намъ объ этомъ. Эта консьержка такъ же трагически переживаетъ свое *ressentiment* по отношенію къ консьержкѣ сосѣдняго дома, какъ Шеллингъ переживалъ его по отношенію къ Гегелю. Нельзя сказать, какъ говоритъ Л. Шестовъ, что «всѣ люди обычно чувствуютъ себя хорошо.» Такъ думаетъ онъ о людяхъ обыденности, т. е. о большинствѣ людей. И это самое несправедливое изъ всего имъ написаннаго. Не нужно читать трагедію Эсхила и Софокла, Шекспира и Достоевскаго, чтобы почувствовать глубокой трагизмъ жизни. Судьба огромнаго большинства людей непереносимо трагична и мучительна. Вся тварь стонаетъ и плачетъ и ждетъ избавленія, даже послѣдняя изъ козявокъ, а не только Паскаль, Ницше, Достоевскій, которые имѣли хоть утѣшеніе въ своемъ творческомъ геніи. Большинство людей живетъ въ страхъ и ходитъ надъ бездной. Твердость и незыблемость ихъ философскихъ, научныхъ, моральныхъ, социальныхъ идей остается въ сторонѣ и нимало не помогаетъ отъ страха, ужаса, муки жизни. Смерть, съ которой и для Л. Шестова глубже всего связана трагедія, принадлежитъ общему міру, всѣмъ, она «обыденна». Передъ лицомъ смерти всякій обыденный человѣкъ становится человѣкомъ трагическимъ. Л. Шестовъ преувеличиваетъ оригинальность и исключительность «потрясеній», которыми онъ надѣляетъ своихъ излюбленныхъ людей. Ницше испыталъ потрясеніе отъ безнадежной болѣзни, которую испытало большое количество самыхъ обыденныхъ людей, и отличался отъ нихъ лишь своимъ творческимъ геніемъ. Въ одномъ Л. Шестовъ совершенно правъ. Никакія самыя возвышенныя идеи не могутъ спасти человѣка отъ ужасовъ и мукъ жизни и смерти и человѣкъ бываетъ потрясенъ этимъ въ иныя минуты жизни. Спасаютъ не идеи, не Шил-

леръ, не Гегель, не Вагнеръ, спасаетъ живой Богъ, Спаситель, Христось. Эта истина, можетъ быть, поразительная и неожиданная для философовъ, но совершенно элементарная, простая, общераспространенная для всѣхъ вѣрующихъ христіанъ. Ни одному подлинному христіанину никогда не приходила въ голову мысль, что его можетъ утѣшить и спасти отвлеченная идея добра. Христіанство существенно противоположно стоицизму, хотя стоицизмъ и вліялъ на христіанское мышленіе. Христіанство не знаетъ идеи отвлеченнаго добра, оно знаетъ лишь живыя существа. Человѣкъ выше субботы.

Л. Шестовъ придаетъ непомѣрное и центральное значеніе герою «Записокъ изъ подполья» и черезъ него, его словами хочетъ повѣдать намъ нѣкоторыя сокровенныя свои мысли. Въ своей книгѣ о Достоевскомъ я самъ придаю огромное значеніе «Запискамъ изъ подполья», и въ нихъ вижу начало всего творческаго пути Достоевскаго. Но, думается мнѣ, Л. Шестовъ многое тутъ преувеличилъ и невѣрно истолковалъ. Для него герой «Записокъ изъ подполья» превращается почти въ святого, черезъ него звучитъ голосъ изъ высшаго міра «по ту сторону добра и зла». Особенно невѣрнымъ представляется мнѣ шестовское толкованіе изреченія подпольнаго человѣка «міру провалиться или мнѣ чаю не пить.» Шестову представляется это необычайно смѣлымъ и порывающимъ съ обыденнымъ міромъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего болѣе обыденнаго, чѣмъ это изреченіе. Огромное большинство людей предпочитаетъ, чтобы міръ провалился, но чтобы имъ «чай пить.» Огромное большинство людей совсѣмъ не руководствуется никакими идеями и идеалами, которые такъ пугаютъ Л. Шестова, и жизнь ихъ ориентирована исключительно эгоцентрически. Каждый считаетъ себя пупомъ вселенной, все относитъ къ себѣ и сидитъ въ темной ямѣ своей эгоцентрической замкнутости, откуда не видно свѣта Божьяго. Л. Шестовъ какъ будто бы идеализируетъ состояніе обиды, зависти, ободраннаго самолюбія, *ressentiment*. Онъ ошибочно думаетъ, что переживаніе этихъ состояній даетъ «потрясеніе», послѣ котораго открывается Богъ по ту сторону разума и добра. Въ дѣйствительности эти состоянія и являются прямымъ порожденіемъ первороднаго грѣха, они то и закрываютъ для людей Бога. Современная психопатологія открыла ужасное подполье въ подсознательномъ человѣкѣ, открыла, что всѣ люди больные. Увидать Бога, Бога, а не разумъ и добро, можно только послѣ внутренняго переворота, обращающаго отъ эгоцентрической ориентировки жизни къ теоцентрической ориентировкѣ. Л. Шестовъ иногда выражается такъ, что можно подуматъ, что для него больное самолюбіе, т. е. самое обыденное, самое всеобщее по своему распространенію и самое уродливое состояніе,

и есть самое освобождающее, выводящее изъ царства обыденности. Самолюбіе и есть всѣмство, оно исказило и приспособило къ себѣ даже истину откровенія. Тутъ я думаю происходитъ какое -то недоразумѣніе. Л. Шестовъ просто не находитъ подходящихъ словъ. Когда онъ хочетъ найти положительныя слова для характеристики прорыва за предѣлы законническаго, обыденнаго міра, онъ прибѣгаетъ къ такимъ словамъ: капризь, хаосъ, самоутвержденіе, измѣнчивость, «вдругъ». Единственнымъ удачнымъ словомъ является тутъ слово «вдругъ», которое указываетъ на прерывность и катастрофизмъ и противится введенію откровенія и дѣйствія благодати въ детерминированный эволюціонный процессъ міра. Откровеніе и дѣйствіе благодати безспорно есть «вдругъ», прорывъ изъ него міра. Всѣ остальные слова никуда не годятся. Законъ и созданъ самолюбивымъ и эгоцентричнымъ человѣкомъ, имъ созданъ и для него созданъ. Люди законническаго, обыденнаго міра совсѣмъ не такъ ужъ любятъ идеи, разумъ, добро, вѣчныя истины, какъ представляется Л. Шестову. Огромное большинство людей неспособны видѣть ничего «общаго», способны жить лишь «частнымъ». Л. Шестовъ непомѣрно преувеличиваетъ значеніе и власть «философіи» въ жизни людей. Въ дѣйствительности философія всегда существовала для очень небольшого числа людей, она аристократична. Обычай и традиція, часто ирраціональные, а не разумъ и логика управляютъ жизнью людей. Большинство людей понимаетъ свободу именно какъ своеволие, произволь, капризь, «чего моя нога хочетъ.» Всѣ тираніи міра основаны на капризѣ и своеволии, и они исказили даже пониманіе Бога. Также царятъ въ нашемъ мірѣ безпокойство, волненіе и измѣнчивость, и законничество всегда было лишь обратной стороной человѣческихъ страстей. Люди принуждаются не нормами разума, а нормами социологическими. Въ самомъ Л. Шестовѣ я не вижу любви къ капризу, произволу, самоутвержденію, измѣнчивости. Онъ всю жизнь вѣренъ своей единой истинѣ. И онъ, вѣроятно, предпочтетъ своихъ враговъ «разумъ» и «добро» тому самоутвержденію человека, который порождаетъ похоть, корыстолюбіе, злобу, месть сладострастіе. Л. Шестовъ въ сущности очень любитъ «добро» и борется противъ «зла.» Ненавистное ему «добро» есть «зло». И бѣда въ томъ, что «подпольныя» слова, которыми Л. Шестовъ пытается характеризовать міръ высшій, лежащій «по ту сторону добра и зла,» характерны для міра «по сю сторону», міра зла. Это произошло уже съ Ницше. Въ его «по ту сторону добра и зла» была глубина и значительность, но она исчезла, когда «по ту сторону» онъ предложилъ подражать Цезарю Борджіа. Цезарь Борджіа цѣликомъ находится «по сю сторону», въ злѣ. «По ту сторону добра и зла» не можетъ быть «зла.» Для характеристики

жизни «по ту сторону добра и зла.» нужны слова Евангелія, а не слова «Записокъ изъ подполья». Л. Шестовъ началъ съ борьбы противъ позитивизма. Онъ правъ въ своихъ обличеніяхъ противъ позитивизма, правъ, когда онъ обличаетъ его и въ позитивныхъ религіяхъ. Но онъ такъ и не нашелъ адекватнаго языка для выраженія своей темы, не нашелъ словъ для выраженія себя съ положительной стороны. И его всегда будутъ невѣрно понимать. Да онъ и не хочетъ чтобы его поняли. Въ этомъ онъ остается человѣкомъ конца XIX и начала XX в., человѣкомъ эпохи индивидуализма.

Позиція Л. Шестова выиграла бы въ ясности, если бы онъ призналъ, что главный врагъ его не философія, не Аристотель и Гуссерль, значеніе котораго, кстати сказать, онъ очень преувеличиваетъ, не разумъ и добро, а законъ, законы логическіе и законы этическіе, законы природы и законы социальныя, которые не философами созданы. Тутъ я во многомъ готовъ очень сочувствовать Л. Шестову. *) Міръ нуждается въ законѣ и создаетъ его и укрѣпляетъ своимъ грѣхомъ, но онъ и стонетъ подъ мертвящей, калѣчащей жизнь властью законничества. Законничество тираниитъ міръ и человѣка. Оно исказило самое христіанское откровеніе, присособило его къ условіямъ нашего міра. Законнически была истолкована самая тайна грѣхопаденія. Законъ изобличаетъ грѣхъ, и онъ есть порожденіе грѣха. Жизнь законническая противоположна райской жизни. Мы всѣ живемъ въ тюрьмѣ, скованы закономъ. Самое Царство Божье умудрились законнически понять, перенеся на него наши законническія категоріи. Законъ есть норма социальной жизни нашего грѣшнаго міра. Вслѣдствіе внѣсоциальности и антисоциальности своего мышленія Л. Шестовъ не видитъ, что власть общеобязательнаго закона имѣетъ социальную природу, что она есть власть общества и общества не райскаго, а грѣшнаго. **) Законническія нормы логики, этики, права, церковныхъ канонѣвъ имѣютъ социальную природу и должны быть социологически объяснены. Сама логическая общеобязательность имѣетъ социальную природу и связана съ степенями общности. Логическая, научная или юридическая общеобязательность связана съ низшей ступенью общенія. Для высшей же ступени общенія существуетъ интуиція. Законничество есть принудительное общеніе міра внутренне разорваннаго, находящагося на низшей ступени общности. Церковь же въ глубинномъ ея смыслѣ есть благодатное и свободное общеніе, предполагающее высшую ступень общности любви. Но внѣшне

*) Еще въ очень старой своей книгѣ «Философія свободы» я утверждалъ, что законъ логики — продуктъ грѣхопаденія.

**) Дюргеймъ, не понимая онтологическаго смысла того, что онъ говоритъ, много вѣрнаго говоритъ о власти общества.

она искажена низшими степенями общения, принудительным законничеством. Л. Шестовъ слишкомъ легко отмахивается отъ проблемы общенія, общенія, не видитъ въ ней онтологической глубины. Для него все социальное относится къ низкой обыденности, къ всѣмству. Соціальныя нормы создаются для поваровъ, думаетъ онъ. Это коренная его ошибка. Райская жизнь была социальной жизнью, Царство Божіе будетъ социальной жизнью. Съ другой стороны «Аристотель», «Гуссерль», «Логика» должны быть социальны истолкованы. Общеобязательность истины есть выраженіе социального общенія, — или общенія на основѣ принудительнаго закона или общеніе на основѣ свободной любви. И наиболее принудительно общеобязательными представляются намъ истины, возникшія на самой низшей ступени общности. Законъ понижаетъ качественность всего, вульгаризируетъ, притягиваетъ внизъ, свидѣтельствуеетъ о грѣховномъ раздорѣ. Л. Шестовъ не хочетъ признать принужденія реальности, возникающаго отъ грѣха. Между тѣмъ какъ вопросъ о грѣхопадении все болѣе и болѣе становится въ центрѣ сознанія Л. Шестова. Онъ возвращается къ истокамъ Библии, къ книгѣ Бытія. Его истолкованіе библейскаго сказанія о грѣхопадении, которое есть предметъ вѣры всего христіанскаго міра, остроумно и своеобразно, но невѣрно или вѣрно лишь частично. Тутъ мы подходимъ къ центральному у Шестова. Его истолкованіе грѣхопадения производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто-бы для него грѣхопадение произошло въ познаніи, а не въ бытіи, въ сферѣ гносеологической, а не онтологической. Вотъ какъ можно понять Л. Шестова. Богъ сотворилъ міръ, въ которомъ все было «добро зѣло», все было прекрасно. Онъ сотвориць рай для человѣка, одарилъ его и благословилъ. Богъ разрѣшилъ человѣку питаться всѣми плодами съ древа жизни. И это была подлинная жизнь. Человѣкъ же отпалъ отъ жизни, вкусилъ съ древа познанія добра и зла, противопоставилъ Богу свой разумъ и свое добро, возникшіе отъ различенія, отъ плодовъ запретнаго древа, создалъ міръ закона, міръ общеобязательной истины, общеобязательнаго добра. Поэтому разумъ и добро съ ихъ общеобязательными истинами есть анти - Богъ. Добротная, прекрасная жизнь, одаренная и благословенная Богомъ, была искажена и изнасилована. Л. Шестовъ хочетъ свободной райской жизни. Онъ хочетъ, чтобы человѣкъ пересталъ питаться съ древа познанія добра и зла, и началъ, какъ въ раю, питаться съ древа жизни. Трудно не сочувствовать его пожеланію. Но какъ достигнуть райской жизни, какъ вырваться изъ грѣшнаго міра, подчиненнаго закону? Ницшевское «по ту сторону добра и зла» Шестовъ понимаетъ, какъ райскую жизнь, какъ прекращеніе питанія съ «древа познанія добра и зла.» И я думаю, что Ницше хотѣлъ свободной

райской божественной жизни, хотѣль прорыва «по ту сторону». Но трагично то, что онъ цѣликомъ остался «по сю сторону» и д я характеристики жизни «по ту сторону» принужденъ былъ брать образы и слова, взятые изъ посюсторонней грѣшной жизни. Ницше предложилъ намъ учиться жизни, волѣ къ могуществу у посюсторонняго зла, котораго онъ не хотѣль и не любилъ. Воля къ могуществу, къ власти слишкомъ оказалась у него похожей на грѣховную, злую волю нашего посюсторонняго міра. Трагедія Ницше въ томъ и заключалась, что онъ никогда не могъ прорваться «по ту сторону.» А у него была необычайно напряженная, страстная воля къ восхожденію, любовь къ высотѣ. Къ Л. Шестову перешли многіе мотивы Ницше, но онъ хочетъ соединить ихъ съ мотивами библейскими. Борьба са дѣломъ Сократа навѣяна Л. Шестову Ницше. Но Л. Шестовъ какъ будто бы не замѣчаетъ, что борьба Ницше противъ Сократа превращается въ борьбу противъ христіанства. Ницше не зналъ христіанства и не понималъ его. Онъ былъ окруженъ христіанствомъ внѣшнимъ и выродившимся, въ которомъ не осталось уже героическаго духа. И Ницше сознавалъ себя смертельнымъ врагомъ христіанства, хотя онъ, по моему убѣжденію, служилъ дѣлу христіанстваго возрожденія. Онъ не совершилъ хулы на Духа. Богъ любитъ такихъ богоборцовъ и христовборцевъ. Л. Шестовъ выражается такъ, какъ будто бы философія учила смиренію и отреченію (вслѣдъ за Ницше онъ употребляетъ эти слова въ порицательномъ смыслѣ). Но въ дѣйствительности смиренію и отреченію учить христіанство, учить откровеніе, а не философія, не разумъ. Разумъ то какъ разъ никогда не хочетъ смиренія и отреченія, онъ гордъ по природѣ. Ницше считалъ христіанство врагомъ жизни, декадентомъ. Еще радикально борется противъ христіанства, какъ врага жизни, В. В. Розановъ. Тема Л. Шестова имеетъ много общаго съ темой Ницше и Розанова. Но самъ онъ никогда не боерется противъ христіанства, онъ борется противъ философіи, философія для него врагъ жизни, т. е. философствующій разумъ, открытый греками. Получается очень большая неясность.

Законъ, различающій добро и зло, произошелъ отъ грѣха и есть обличеніе грѣха, свидѣтельствуеетъ о немъ. Безгрѣшная райская жизнь не знаетъ закона. И какъ нужно сказать: законъ отъ грѣха, или грѣхъ - отъ закона? Л. Шестовъ думаетъ, что грѣхъ отъ закона, отъ разума и добра. Познаніе добра и зла есть возникновеніе различенія, есть измѣна и отпаденіе отъ райской жизни, сотворенной Богомъ, благословенной и одаренной. Но наше мышленіе объ этихъ вещахъ всегда на остриѣ, всегда антиномично и парадоксально. До познанія добра и зла, по ту сторону добра и зла нѣтъ ни нашего добра, ни нашего зла. Объ этомъ возможно

лишь апоэатическое мышленіе, катаэатическое мышленіе невозможно, ибо всегда беретъ матеріаль изъ нашей грѣшной, подзаконной, посюсторонней жизни. Никакія наши слова не могутъ положительно характеризовать Царства Божьяго и райа и совсѣмъ не годятся тутъ слова, къ которымъ прибѣгаетъ Л. Шестовъ. Нужно обратиться къ откровенію, къ Евангелію. Когда мы пробуемъ характеризовать Бога, какъ капризь и произволь, что Л. Шестову нравится, то мы явно тутъ беремъ матеріаль для характеристики изъ самодержавныхъ монархій и деспотій нашей земной жизни. Представленіе о беспощадномъ и зависящемъ отъ случая Судѣ Божьемъ отсюда же произошли. Монархическія представленія о Богѣ имѣютъ соціологическое происхождение. Но Богъ и Царство Божіе такъ же мало подчинены закону, какъ и капризу и произволу. Богъ не есть добро и не подчиненъ добру, но Богъ не есть и зло, Богъ есть сверхдобро, онъ по ту сторону добра и зла въ смыслѣ апоэатической теологіи. Царство Божіе по ту сторону нашего добра и зла. Это долженъ признать всякій христіанинъ. Законническое пониманіе Царства Божьяго есть величайшее извращеніе христіанскаго откровенія. Но намъ дано откровеніе о томъ, что Царство Божье есть Царство любви, любовь же не есть законническое добро, она есть сверхдобро. Л. Шестовъ, вслѣдъ за Ницше, невольно привноситъ элементъ нашего зла въ характеристику Царства Божьяго и райа — самоутвержденіе, т. е. эгоцентризмъ, произволь, капризь, т. е. все состоянія очень посюстороннія, земныя. Свидѣтельство библейскаго откровенія о грѣхопадении и происхождении зла есть парадоксія, не вмѣстимая категоріями разума. Но Л. Шестовъ именно и ослабляетъ эту парадоксію, самъ этого не замѣчая. Онъ рвется къ райской жизни, къ кѣ и многіе на землѣ. Но онъ какъ будто думаетъ, что можно прорваться въ рай, побѣдить источникъ грѣха, ставъ по ту сторону добра и зла, отвергнувъ разумъ и добро. Въ дѣйствительности, когда грѣшный человекъ пытается стать по ту сторону добра и зла, отвергнуть разумъ и добро, онъ совсѣмъ въ рай не попадаетъ, онъ остается «по сю сторону», остается въ злѣ и по немъ ударяетъ законъ. Потому то Христось и сказалъ, что онъ пришелъ не нарушить, а исполнить законъ. Не безсильный жестъ, предлагающій стать по ту сторону добра и зла, а реальная и онтологическая побѣда надъ грѣхомъ освобождаетъ отъ власти закона, отъ власти законническаго добра и вводитъ въ міръ лежащій по ту сторону добра и зла. Реальная же побѣда надъ грѣхомъ предполагаетъ Искупленіе и Искупителя. Л. Шестовъ никогда не пробовалъ раскрыть намъ совершенно конкретно, реально, практически, что у него за жизнь по ту сторону добра и зла, по ту сторону разума, что за путь. Только благодаря этой совершенной

нераскрытости и отвлеченности онъ и можетъ держаться. Христіанство же открываетъ, что по ту сторону законническаго добра и зла лежитъ царство любви. Любовь во Христѣ не есть законъ, любовь есть благодатная сила. И только благодаря любви жизнь можетъ стать внѣ закона, «по ту сторону». Этому учить не греческая философія, а откровеніе. Но и законъ въ глубинномъ религіозномъ смыслѣ этого слова произошелъ не отъ Аристотеля, онъ въ безмѣрно большей степени произошелъ отъ Моисея, т. е. имѣетъ библейское происхожденіе. Для Л. Шестова Библия какъ будто бы исчерпывается сказаніемъ книги Бытія о грѣхопадении, да еще нѣсколькими псалмами, отрывками изъ пророковъ и книгой Іова. Но содержаніе Библии безмѣрно сложнѣе и богаче. Въ Библии же есть ученіе о Премудрости Божіей, о Софіи. Богъ все Премудростью сотворилъ и потому только все добро зѣло, все прекрасно. Отождествить ли Л. Шестовъ библейскую Премудрость или Софію у Я. Беме съ разумомъ греческихъ философовъ? Премудрости, Софію искали величайшіе философы, потому они и именуются фило-софами, но силами разума никогда не могли открыть того, что дано лишь въ откровеніи. Умъ тоже вѣдь сотворенъ Богомъ.

Л. Шестовъ прежде всего борется противъ власти закона надъ міромъ, противъ законническаго пониманія самой религіи. Тутъ я вполнѣ съ нимъ. Онъ правъ въ своемъ возстаніи противъ подавленія всеобщимъ и единымъ индивидуальнаго и частнаго (кстати сказать его возстаніе противъ *Algemeinheit* Гегеля очень напоминаетъ возстаніе Бѣлинскаго во имя живой личности, когда онъ «кланялся философскому колпаку Егоръ Федоровича» и предвосхитилъ многія мысли Достоевскаго). Но онъ сбиваетъ и запутываетъ насъ, когда придаетъ этому характеръ борьбы противъ познанія, противъ философіи, противъ всякаго разума и всякаго добра. Ибо по истинѣ есть не законническое познаніе, не законнической разумъ и не законническое добро. Познаніе имѣетъ и освобождающее и творческое значеніе. Л. Шестовъ не хочетъ дѣлать никакихъ различеній, не считается съ различными смыслами слова разумъ. Остается совершенно невыясненнымъ и непонятнымъ отношеніе его къ познанію, къ наукѣ, къ философіи. Остается впечатлѣніе, что для Л. Шестова познаніе есть всегда грѣхъ и зло, всегда отъ змія, что сближаетъ неожиданноего съ самыми обскурантскими направленіями въ христіанствѣ. Но если бы питался человѣкъ лишь плодами съ древа жизни и не вкушалъ съ древа познанія добра и зла, то онъ все же познавалъ бы. Познаніе есть тоже жизнь, и древо жизни должно давать намъ и познаніе. Жизнь, лишенная познанія, была бы страшно обѣдненной жизнью. Грѣхъ не въ самомъ познаніи добра и зла, а въ томъ опытѣ зла, т. е. жизни внѣ Бога и противъ

Бога (это нужно понимать не законнически, въ смыслѣ неповиновенія волѣ Божіей, а онтологически), который имманентно подчиняетъ жизнь закону, рационализируетъ и морализируетъ жизнь. Но если возникло различіе между добромъ и зломъ и грѣхъ обличенъ закономъ, то самое познаніе добра и зла можетъ быть и благостнымъ. И самъ Л. Шестовъ только и дѣлаетъ, что познаетъ добро и зло, какъ и Ницше. Онъ совершенно правъ, когда берется за независимость философіи отъ науки, когда утверждаетъ въ философіи другіе пути познанія. Всѣ подлинныя философы въ этомъ будутъ съ нимъ. И отрицаніе Гуссерлемъ философіи, какъ мудрости, требованіе, чтобы она было строгой наукой, есть декадансъ философіи, угашеніе философскаго духа. Философія великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ была, конечно, мудростью, а не наукой. Борьба Л. Шестова съ наукой и философіей во имя Библии и откровенія, какъ источника Истины, есть въ значительной степени недоразумѣніе. Высшее не можетъ зависѣть отъ низшаго, философія, какъ мудрость, не можетъ зависѣть отъ науки, религіозное откровеніе не можетъ зависѣть отъ философіи. Но въ своей сферѣ, въ своемъ планѣ, наука остается въ силѣ и заслуживаетъ почитанія. «Дважды два четыре»—очень почтенная ариѳметическая истина, которую Л. Шестовъ не можетъ отрицать, но ее не слѣдуетъ переносить въ теологію. Мы знаемъ, что къ христіанскому ученію о Троицности совсѣмъ не примѣнимы истины ариѳметики. Л. Шестовъ часто ломится въ открытую дверь. Недоразумѣніе происходитъ отъ того, что Л. Шестовъ смѣшиваетъ науку и этику, онъ этизируетъ проблему познанія и интересуется въ сущности исключительно этическими вопросами. Самъ же Л. Шестовъ, когда рѣчь идетъ о томъ, что онъ называетъ обыденностью, о жизни соціальной и исторической, всегда стоитъ за здравый смыслъ и науку. Это сказывается въ его размышленіяхъ о судьбѣ Россіи. Онъ дѣлается моралистомъ, рационалистомъ и не видитъ метафизической глубины въ исторической жизни. Онъ утверждаетъ дуалистическую систему, двойную бухгалтерію. Одно для царства трагедіи, другое для царства обыденности. И о царствѣ обыденности онъ разсуждаетъ не менѣе позитивно и рационально, чѣмъ П. Н. Милюковъ. Поэтому нѣтъ у него путей преображенія жизни, путей къ раю. Все остается въ интимныхъ катастрофическихъ переживаніяхъ отдѣльныхъ замѣчательныхъ людей и въ литературѣ, выражающей эти переживанія. Онъ не вѣритъ въ сверхъестественныя чудеса, т. е. чудеса, преображающія естество, онъ вѣритъ лишь въ психологическія чудеса.

Исканія Л. Шестова порождены эпохой невѣрія. И онъ безсиленъ разрушить велѣнія закона, чары разума и добра. Онъ совсѣмъ не хочетъ воплощенія своего «безумія», своего «по ту

сторону добра и зла,» онъ даже боится этого и предостерегаетъ отъ этого. Л. Шестовъ не библейскій человѣкъ, онъ человѣкъ конца XIX вѣка и начала XX вѣка, эпохи Ницше и Достоевскаго, а не Исаи и Ап. Павла, и даже не Паскаля и Лютера. Онъ ломится въ дверь, открытую христіанствомъ, но не можетъ войти въ нее. Поразительно утвержденіе Л. Шестова, что никто не оспариваетъ того, что бѣдность, болѣзнь, изгнаніе, смерть есть матеріаль, изъ котораго ничего нельзя сдѣлать. Какъ никто не оспариваетъ? Оспариваетъ христіанство, оно цѣликомъ базируется на бѣдности, болѣзни, изгнаніи и смерти. Я многое принимаю у Л. Шестова, со многимъ соглашаюсь, но не принимаю его интонацію и нерѣдко возмущаюсь противъ нея. Все, что Л. Шестовъ приписываетъ Паскалю, какъ необычайное и исключительное его достояніе, есть общее достояніе христіанскаго откровенія и вѣрующаго христіанскаго міра. Ничего исключительно оригинальнаго нѣтъ въ томъ, что Христосъ будетъ въ агоніи до конца міра и нужно бодрствовать, что нужно *s'abêtir*, что знаніе, разумъ, добро, должны быть преодолены, какъ и всѣ самоочеидныя истины. Паскаль гениально остро это выразилъ, но это есть общее достояніе христіанства. Равно какъ есть общее достояніе мистики то, что Л. Шестовъ говоритъ о преодолѣніи разума у Плотина. Л. Шестовъ говоритъ, какъ человѣкъ, живущій въ мірѣ позитивистовъ. Этимъ опредѣляется его тонъ. Ему остается чуждымъ христіанское откровеніе о Богочеловѣкѣ и Богочеловѣчествѣ. Богъ и человѣкъ остаются разорванными и несоизмѣримыми, не происходитъ боговочеловѣченія. И все время остается неяснымъ, защищаетъ ли Л. Шестовъ человѣка или возстаетъ противъ человѣка, какъ возстаетъ школа К. Барта, съ которой у него есть точки соприкосновенія. Л. Шестовъ возстаетъ противъ философіи Спинозы, для которой не существуетъ человѣческихъ слезъ, человѣческихъ горестей и радостей. Но его собственный Богъ печалится ли о нуждахъ людей? Богъ Библии печалился. Но Богъ Л. Шестова капризенъ, однихъ избираетъ для спасенія, другихъ обрекаетъ на гибель, совсѣмъ какъ у Кальвина. Богъ не знаетъ человѣческой справедливости и правды, онъ остается «по ту сторону». Но тогда и получается тоже, что у Спинозы, нѣтъ никакого сходства между Богомъ и человѣкомъ, нѣтъ общей правды. Богъ остается совершенно трансцендентнымъ. Но сущность христіанства въ томъ, что трансцендентное становится имманентнымъ, что есть соизмѣримость между Богомъ и человѣкомъ, есть подобіе и родство, что божественная правда человѣчна, хотя и нечеловѣческая. Тема, которая всю жизнь мучитъ Л. Шестова, рѣшается лишь въ христіанствѣ. Кромѣ Бога имманентнаго, отвлеченнаго Разума и Добра, Бога философовъ, и Бога абсолютно трансцендентнаго, Бога каприз-

наго, несправедливаго, беспощаднаго и жестокаго, есть еще третій, христіанскій аспект Бога — Бога - Любви, Бога Жертвы, Бога истощающаго Себя и исходящго кровью, Бога, ставшаго человѣкомъ. И только этотъ аспектъ Бога можетъ быть принять. Теодицея совсѣмъ не есть оправданіе Бога передъ судомъ человѣка, теодицея есть защита Бога отъ ложнаго человѣческаго пониманія Бога, противъ клеветы, возведенной на Бога. Единственная возможная Теодицея есть Голгофа, искупительная Божья жертва, примиряющая Бога и человѣка. Вотъ почему между нашей грѣшной, законнической, поскосторонней жизнью и жизнью потусторонней, райской, Царствіемъ Божіимъ, лежитъ жертва, страданіе, подвигъ, смиреніе, — путь, которымъ шелъ самъ Богъ, Сынъ Божій, который смирилъ Себя и принялъ зракъ раба. Это и есть единственное разрѣшеніе темы Л. Шестова. Заслуга же Л. Шестова въ томъ, что онъ защищаетъ индивидуальную человѣческую душу, которая со всѣхъ сторонъ насилуется и истязается..

Н и к о л а й Б е р д я е в ъ .